

А. Е. Супрун, С. С. Скорвид

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Славянские языки (С.я.) — ветвь близкородственных языков в составе индоевропейской языковой семьи. Названия на основных мировых языках: англ. *Slavic (Slavonic) languages*, нем. *die slawischen Sprachen*, фр. *les langues slaves*.

2. Основные представители: современные национальные языки — русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, сербохорватский (или сербский, хорватский, боснийский и черногорский), словенский, словацкий, чешский, польский; миноритарные (языки национальных или этнических меньшинств) и региональные — серболужицкий, кашубский, различные русинские идиомы и др.; мертвый полабский, а также старославянский и церковнославянский языки. Распространены в Центральной и Восточной Европе и в Северной Азии. Народы, говорящие на С.я., составляют большинство населения России, Белоруссии, Украины, Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, Польши. Более или менее компактное славянское население живет, далее, в Казахстане, в государствах Средней Азии и Закавказья, в Молдавии, в странах Балтии и в других государствах Европы (например, украинцы, болгары в Румынии, словаки в Венгрии, хорваты и словенцы в Венгрии, Австрии, Италии, македонцы в Греции и Албании, серболужичане в Германии). Отдельные компактные и некомпактные группы славянского или славяноязычного населения имеются также в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Израиле и иных странах.

Первые исторически достоверные сведения о славянах и их расселении в Европе содержатся в источниках на греческом и латинском языках, относящихся к VI в. н. э. (о более ранних упоминаниях, I–II вв. до н. э., у таких авторов, как Тацит, Плиний, Птоломей, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они относятся именно к славянам). Важнейшие из этих источников — «История войн с готами» Прокопия Кесарийского (551–554), «Стратегикон», приписываемый византийскому императору Маврикию (конец VI в.), и латинская «История готского народа» гота Иордана (551). У Прокопия и псевдо-Маврикия славяне выступают под названиями *скламены/склавины* и *анты*, у Иордана — *скламены*, *анты* и *венеты*. Можно полагать, что первое наименование с праславянским корнем **slav-* представляло собой общее самоназвание славян. Этот корень повторяется с видоизменениями в названиях отдельных славянских племенных групп (например, словене в окрестностях оз. Ильмень) и позже славянских народов, особенно в областях, где они составляли меньшинство по отношению к господствующему иноязычному этносу (словаки в Венгерском королевстве, словенцы в Австрийской империи и др.). Этимология этого этнонима окончательно не выяснена; наиболее вероятным кажется предположение, исходящее из оппозиции **slav-* 'владеющий словом' (т. е. 'говорящий понятно') : **nět-* 'немой' (для славян), т. е. 'иноязычный', в том числе 'немец' (и вообще иноплеменник). Наиме-

нования *анты*, впоследствии не встречающееся, и *венеты*, отражающееся и поныне, в частности, в немецком названии лужицких сербов (*die Wenden* наряду с более новым *die Sorben*) и др., по происхождению не славянские. Понятие *анты*, ассоциирующееся обычно с восточными славянами, по некоторым предположениям, могло относиться к племенному объединению славян с неславянами на территории Восточной Европы. Наименование с корнем **ven(e)t/d-*, по-видимому, было перенесено с названия некоторого племени неясного лингвоэтногенеза на племена, заселившие его территорию позднее, причем не только славянские (ср. германское племя вандалов). В отношении тех или иных групп славян названия, восходящие к этому корню, использовали исключительно их соседи: германцы, а также финские народы.

Дискуссионным является вопрос о прародине (или прародинах) славян, т. е. о территории, на которой произошло и продолжалось становление славянской этноязыковой общности. Одним из первых попытку уточнить пространство, заселенное славянами по «столпотворению Вавилонском», предпринял автор древнерусской «Повести временных лет», монах Киево-Печерской лавры Нестор: «Спустя много времени осели славяне на Дунае, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И оттуда разошлись славяне по земле и взяли себе имена по тому месту, где кто поселился». Версия Нестора была основана на бытовавших еще в его время древних сказаниях; ученые XIX в. (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) относились к ней с доверием, в XX в. ее отвергли как фантастическую, однако в последние десятилетия к ней обратились вновь (О. Н. Трубачев).

Согласно представлениям ряда историков и лингвистов XIX — первой половины XX в. (В. М. Флоринский, К. Мошинский, Э. Гаспарини), прародина славян находилась в Азии или на востоке Европы — на Оке и Волге. А. А. Шахматов помещал ее в бассейне Немана и Западной Двины, откуда, по его мнению, славяне продвинулись в Повисленье и на Дунай. Большинство современных историков и лингвистов локализует прародину славян между Днестром и Одрой (Одером) в лесостепной и лесной зонах, т. е. примерно между 50° и 55° северной широты. Однако в вопросе о конкретном ее местонахождении внутри этой территории различные исследователи расходятся. Например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафинский указывают на Полесье; Я. Чекановский, М. Рудницкий, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский, В. В. Мартынов — на район между Одрой и Вислой; М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, С. Б. Бернштейн — на район между Вислой и Днестром.

3. Общее количество носителей С.я. в мире составляет в настоящее время около 290 млн. чел. За последние 150 лет количество славян возросло почти в четыре раза (в 1849 г. П. Й. Шафарик называл число 78 млн. 691 тыс. чел., по данным Т. Д. Флоринского 1911 г., их было 159 млн. 420 тыс.).

4. Современные С.я., выступающие как совокупность взаимосоотнесенных народных говоров (диалектов), различных наддиалектных речевых форм и литературного языка, подразделяются на три группы: восточную (русский, украинский, белорусский), западную (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий с двумя литературными языками: верхне- и нижнелужицким) и южную (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский). Эти группы выделя-

ются по территориальному признаку с учетом исторически сложившихся между соответствующими С.я. различий и сходств (см. 5.).

В группе западных С.я. выделяются подгруппы: чешско-словацкая, лехитская (польский, кашубский, полабский языки) и серболужицкая (исторически, видимо, верхнелужицкие диалекты были ближе к чешско-словацкой, а нижнелужицкие — к лехитской подгруппе, но конвергентные процессы привели к их относительной языковой общности). В группе южных С.я. выделяются сербохорватско-словенская (юго-западная) и болгарско-македонская (юго-восточная) подгруппы. Сербохорватский язык образуют три исторически значительно отличных друг от друга диалекта: што́кавский, ча́кавский и кáйкавский (последний близок к соседним словенским диалектам). Относительное единство сербохорватского, в настоящее время спорное, создавалось общностью литературного языка (с двумя региональными разновидностями — восточной и западной), которым пользовались четыре народа: сербы, черногорцы, хорваты и боснийские мусульмане, или муслимане. В последние десятилетия XX в. активизировался процесс обособления самостоятельных литературных языков в Хорватии, а также в Боснии и Черногории. Болгарский и македонский в историко-диалектологическом отношении образуют единый, хотя с древних времен расчлененный континуум; их современная самостоятельность обусловлена, кроме внутриязыковых факторов, существованием двух отдельных наций с двумя литературными языками.

Между языками внутри каждой из названных трех групп существуют переходные говоры: например, в восточнославянской области — русско-белорусские на Брянщине и Смоленщине, украинско-белорусские в Полесье; в западнославянской — «ляшские» в Моравско-Силезском крае Чешской Республики (особенно говоры пограничного чешско-польского смешанного пояса); в южнославянской — торлакские на юге и юго-востоке Сербии (в районах, пограничных с Македонией и Болгарией) и т. д. Между языками, принадлежащими к разным группам, переходных говоров нет, однако существуют языковые образования с чертами позднего смешения, например, так называемый периферийный польский диалект, сформировавшийся на землях бывшего Великого княжества Литовского и Украины, соответственно на белорусском (белорусско-литовском) и украинском субстрате. Другой случай — переход части исконно восточнославянского русинского этноса, мигрировавшей из Восточной Словакии в сербскую Воеводину и хорватскую Славонию, еще до или в процессе переселения на диалект западнославянской группы — восточнословацкий, лежащий в основе современного южнорусинского языка. Имеются также иные славянские диалекты и социолекты, возникшие в среде эмигрантов, например, диалект потомков Русской Америки на Аляске; там же функционирует русский язык староверов, в том числе в заново создаваемой литературной форме; есть варианты русского языка различных религиозных общин, иногда в течение нескольких столетий находящихся в других странах, например, в Турции. Известны, далее, идиомы, возникшие в результате смешения славянских языков, прежде всего русского, с неславянскими, в частности, так называемый «руссенорск» (русско-норвежский пиджин), русско-китайский пиджин, таймырская «говорка» и др. (См. также статью «Медновских алеутов язык» в томе «Языки мира: Палеоазиатские языки». М.: Индрик, 1997.)

5. Внутри индоевропейской семьи С.я. обнаруживают давние черты близости в первую очередь к балтийской и далее к ряду других языковых групп, которые свидетельствуют о существовании в период распада индоевропейской общности относительно единого (но не монолитного) праисторического диалектного пространства прежде всего предков славян и балтов с предками иных народов: по одной версии — германцев, по другой — албанцев, по третьей — иранцев.

Общепризнана самая тесная связь диалектов славян и балтов, однако характер ее ученые трактуют различно. Наиболее старая теория, выдвинутая еще в XIX в. А. Шлейхером и подробно обоснованная К. Бругманом, исходила из наличия в течение определенного периода этноязыкового единства (племенного объединения) носителей славянских и балтийских диалектов, которые представляли собой диалекты балто-славянского праязыка. Некоторые ученые начала XX в. (в частности, А. Мейе), отрицая существование балто-славянского праязыка, предполагали параллельное независимое развитие славянских и балтийских диалектов. Согласно третьей точке зрения, из индоевропейского праязыка выделились самостоятельные прабалтийский и праславянский языки, которые затем пережили период вторичного сближения, когда в результате длительных контактов между балтийскими и славянскими племенами сформировалась так называемая балто-славянская сообщность (термин и концепция С. Б. Бернштейна). Высказываются и иные мнения.

Период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. Не позднее середины I тысячелетия до н. э. у группы славянских племен сложились собственные диалектные особенности, достаточно отличавшие их от балтов.

По мере выделения из индоевропейского континуума диалектов, образовавших праславянский язык, происходили некоторые характерные изменения в их фонологической системе. Если позднеиндоевропейский являлся в целом языком вокалического строя, то в ходе истории праславянского языка имело место постепенное возобладание черт консонантного строя. С этим были типологически связаны определенные изменения в праславянской просодической (акцентной) системе.

В вокализме краткие индоевропейские **ǵ* и **ǵ̌* совпали в **ǵ* или, возможно, изначально нелабиализованном **ǵ̌* (по другому мнению, в **ǵ̌*, как в балтийском): праслав. **ǵrati* 'пахать' — лат. *ǵrare*, праслав. **dǵmь* 'дом' — лат. *dǵmus* (литов. *ǵrti*, *nǵmas*); долгие **ǵ̄* и **ǵ̄̌* — в **ǵ̄*: праслав. **mǵti* 'мать' — лат. *mǵter*, праслав. **dǵti* 'дать', **dǵnь* 'дань' — лат. *dǵnum* 'дар' (балтийские рефлексy **ǵ̄*, **ǵ̄̌* различны, ср. литов. *mǵtė* 'женщина', латыш. *mǵte* 'мать', но литов. *dǵoti*, латыш. *dot* [duǵt] 'дать'); одновременно наступило изменение **ǵ̄* в **ǵ̄̄* («первый ять» — по другому мнению, в **ǵ̄̄̄*, аналогично балтийскому развитию): праслав. **sǵti* 'сеять' — лат. *sǵro* 'сею' (литов. *sǵti*). Позже произошло изменение **ǵ̄̄* в **ǵ̄̄̄* и кратких **ǵ̄̄̄*, **ǵ̄̄̄̄* в так называемые редуцированные (по интерпретации С. Б. Бернштейна, сверхкраткие средне-верхнего подъема) **ǵ̄̄̄̄* и **ǵ̄̄̄̄̄*: праслав. **sǵnь* 'сын' — литов. *sǵnùs*, праслав. **bǵdrь* 'бодрый' — литов. *budrùs* 'бдительный', 'чуткий', праслав. **mьn-* в глаголе '(по)мнить' — литов. *minėti* 'упоминать', 'вспоминать' (здесь и далее праславянские реконструкции даются в позднепраславянской форме, если им не предшествует знак <, указывающий на более раннюю огласовку; долгота/краткость гласных отмечается только в релевантных для приводимых соответствий морфемах).

Таким образом, исходная позднеиндоевропейская система вокализма включала симметричные подсистемы кратких и долгих гласных:

Подъем	Краткие			Долгие		
	Ряд					
	Передний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний	ī		ū	ī		ū
Средний	ě		ǫ	ē		ō
Нижний		ǎ			ā	

В результате раннепраславянских преобразований она изменилась в систему, в которой собственно количественные оппозиции уже не были фонологически релевантными:

Подъем	Ряд	
	Передний	Непередний
Верхний	ī	ū
Средне-верхний	ь	ъ
Средний	ě	ǫ
Нижний	ǎ	ā

Индоевропейские слоговые сонанты (независимо от первоначальной краткости/долготы) изменились, как и в прабалтийском языке, в сочетания **ūr*, **īr*, **ūl*, **īl*, **ūm/īn*, **im/in*, на славянской почве далее в **ьr*, **ьr*, **ьl*, **ьl* и **ьm/n* > **ǫ*, **ьm/ьn* > **ę* (носовые гласные): праслав. **gьrdlo* ‘горло’ — литов. *gurklūs* ‘зоб’, праслав. **вьлкь* ‘волк’ — литов. **vilkas*, праслав. **dьti* ‘дуть’ — литов. *dūmti*. Долгота гласных сократилась и в сочетаниях с другими неслоговыми сонантами (сочетания с неслоговыми **у*, **ј* традиционно именуются дифтонгами).

В области консонантизма произошло: исчезновение индоевропейских придыхательных взрывных согласных (реконструкция которых в последнее время ставится под сомнение, в частности, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым): праслав. **berq* ‘беру’ — лат. *ferō* ‘несу’; как и в остальных диалектах группы *satəm*, с одной стороны, совпадение лабиализованных взрывных заднеязычных с нелабиализованными: праслав. **кьto* ‘кто’ — лат. *quis*; с другой, изменение палатальных взрывных заднеязычных во фрикативные среднеязычные (в праславянском — в свистящие **š*, **ž* с последующей утратой палатальности): праслав. **рь(i)sati* ‘рисовать, писать’ — лат. *pictus* ‘раскрашенный’ (литов. *piēšti* ‘рисовать’), праслав. **znati* ‘знать’ — лат. *cognosco* ‘познаю’ (литов. *žinoti* ‘знать’), *(*j*)*azь* ‘я’ — лат. *ego* (литов. *àš*). В ряде морфем наблюдаются неожиданные «кентумные» рефлексии палатальных заднеязычных: праслав. **gordь* ‘огороженное место’ при литов. *gārdas* и *žārdis* ‘загон’ — лат. *hortus* (< **g’h-*) ‘сад, огород’ и др. Старый **s* после элементов *i*, *u*, *r*, *k* не перед согласными изменился в **x* (причем **kx* > **x*): праслав. **рь(i)xati* ‘толкать (пихать)’ < **pīs-/peīs-*, ср. литов. *paisyti* ‘обмолачивать (ячмень)’, праслав. **бльxa* ‘блоха’ — литов. *blusà*, праслав. **вьрхь* ‘верх’ — литов. *viršus*, праслав. **лихь* ‘лишний’ < **leiks-*, ср. литов. *liekana* ‘остаток’. Фонологизация **x* наступила с изменением **š* > **s*, когда возникли пары типа **рь(i)xati* : **рь(i)sati*, и в связи с распространением **x* в других позициях: в частности, по

аналогии во флексиях (например, местного падежа множественного числа *-ахъ, как *-ѣхъ < *оїхъ, *-ьхъ, *-ьхъ), а также в начале слова, в том числе в качестве экспрессивной замены *k (ср. праслав. *xoldь 'холод', но *kold- в рус. колодец).

Таким образом, традиционно реконструируемая позднеиндоевропейская (для языков satəm типа праславянского) система консонантизма изменилась в систему:

По способу образования			По месту образования			
			Лабиальные	Дентально-альвеолярные	Средне-небные	Велярные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t		k
		Зв.	b	d		g
	Фрикативные	Гл.		s		x
		Зв.		z		
Сонорные	Носовые		m	n		
	Боковые			l		
	Дрожащие			r		
	Скользкие		w (ɥ)*		j (i)	

* Фонема w (ɥ), сохраняя в отдельных славянских языках и диалектах и поныне билабиальный характер, с раннепраславянского периода переходила в лабиодентальную v. Символ v ниже условно используется для обозначения w (ɥ) / v.

Генеральной тенденцией дальнейшего исторического развития звукового строя праславянского языка была тенденция к консолидации слога. В качестве частных ее проявлений традиционно рассматриваются тенденция к восходящей звучности элементов слога и так называемая тенденция слогового сингармонизма.

Первая закономерность, которая в дальнейшем обусловила действие «закона открытого слога», подразумевала, что элементы слога (в раннепраславянском только начала слога) могли следовать друг за другом лишь в таком порядке: шумные согласные (фрикативные перед взрывными) — сонорные — гласные. При этом в одном слоге были возможны сочетания либо только глухих, либо только звонких шумных согласных, например, *o-strь 'острый', *no-zdri 'ноздри' и т. д.

Вторая тенденция касалась прежде всего сочетаний согласных с гласными. Твердые согласные под влиянием последующих передних гласных смягчались; при этом заднеязычные согласные изменились в мягкие шипящие: *k > č', *g > ž', *x > š' (1-я палатализация). Те же изменения пережили заднеязычные согласные в сочетаниях с *j. Примеры: *plakati 'плакать' — 2 л. ед. ч. наст. вр. *pláč'eši(ь), *pláč'ь 'плач' (< *plakj-); *lьgati 'лгать' — *lьž'ь/lьž'a 'ложь' (< *lūgī-/lūgj-); *tixь 'тихий' — tiš'ina 'тишина'. Аналогичные преобразования претерпели сочетания *sj, *zj > š', *ž': *nositi 'носить' — *noš'a 'ноша'; *nož'ь 'нож' (< *nozj-). Негубные сонорные в сочетаниях с *j давали мягкие сонорные: *kon'ь (< *konj-) и т. п. Развитие сочетаний других согласных с *j, в частности, сочетаний *tj, *dj, в раннепраславянский период, вероятно, изменившихся в палатальные *t', *d', завершилось в позднепраславянском языке либо уже после распада праславянской

общности. После мягких согласных, возникших вследствие изменения сочетаний с *j, еще в раннепраславянском языке непредние гласные переходили в передние: *š'iti 'шить' (< *sjūti), *mor'e 'море' (< *morjo); напротив, передний *ā перешел в *ā: *lež'āti 'лежать' (< *lež'āti < *legēti).

Основные процессы поздней эволюции праславянского звукового строя были связаны с постепенным действием тенденции к открытию различных типов закрытых слогов (закон открытого слога). К ним в первую очередь относятся следующие изменения:

— утрата согласных в конце слова (*slovo 'слово' < *slovo);

— упрощение геминат и других групп согласных, противоречащих тенденции восходящей звучности, в середине слова (*me-sti 'места' < *met-ti, *(v)osa 'оса' < *(v)op-sa, *dъbno 'дно' < *dъb-no);

— монофтонгизация дифтонгов *ou > *ū, *eu > *jū (*tud'-/tūd'- 'чужой' < *toudj-/teudj-), *ej > *ī (*jiti 'идти' < *ejti), *oj > *ē («второй ять»: *pēti 'петь' < *pojti) или, в определенных морфологических позициях в конце словоформы, *ī (им. п. мн. ч. *stoli 'стола' < *stoloi, 2 л. ед. ч. повел. накл. *beri 'бери!' < *beroj(s));

— монофтонгизация дифтонгических сочетаний *om/on, *ьm/ьn, *em/en, *ьm/ьn > *ō, *ē (*zobь 'зуб', *jezykь 'язык');

— различные по диалектам изменения дифтонгических сочетаний гласных с плавными сонантами (завершались уже после распада праславянской общности).

Монофтонгизация *ou, *eu обусловила восстановление в системе вокализма признака лабиальности, в связи с чем, возможно, произошла лабиализация *ō > *ō. В связи с изменением *eu > *jū появились новые сочетания согласных с *j, которые претерпевали те же преобразования, что и старые; при этом с развитием группы *tj совпали результаты изменения сочетания *kt (также из *gt) перед гласными переднего ряда (в другой позиции подвергшегося упрощению, ср. *peti < *pekti 'печь', но *potь 'пот' < *pakt-). Перед возникшими вследствие монофтонгизации *oi передними гласными *ē, *ī произошло изменение заднеязычных согласных *k, *g в свистящие *c', *č' (> *č') (2-я палатализация: *c'ēna 'цена', *č'ēlo (> z'ēlo) 'очень', им. п. мн. ч. *vьlc'i 'волки' и т. п.); аналогичное — непосредственное — изменение было пережито ими после гласных *ь, *i, *e не перед согласными (3-я палатализация: *otьc'ь 'отец', *dēvic'a 'девица', *kьneč'ь 'князь'); заднеязычный *x в подобных позициях изменялся неодинаково по диалектам (см. ниже).

К середине I тысячелетия н. э. в силу целого ряда разнонаправленных миграций славянских племен праславянский язык был распространен уже на обширной территории от Днепра на востоке до Лабы (Эльбы) на северо-западе и от Балкан до Альп на юге, представляя собой диалектный континуум, пересеченный множеством изоглос, относящихся к разным языковым уровням. Из них наиболее отчетливо прослеживаются фонетические изоглоссы (изофоны), связанные с неодинаковым отражением в диалектах некоторых позднепраславянских изменений. Пять таких изофон объединяют — хотя не без отклонений — восточно- и южнославянские диалекты, противопоставляя их западнославянским (порядковые номера здесь и далее отсылают к нумерации строк с примерами в Таблице звуковых соответствий):

Таблица звуковых соответствий С.я. праславянского диалектного происхождения

№	праслав.	Восточнославянские языки			Южнославянские языки				Западнославянские языки				
		рус.	укр.	бел.	болг.	макед.	с.-х.	словен.	словац.	чеш.	польск.	в.-луж.	н.-луж.
1	*tl, *dl	плѣл, мн.ч. плели; съел, мн.ч. съели	плів, мн.ч. плели; з'їв, мн.ч. з'їли	плѣў, мн.ч. плялі; з'еў, мн.ч. з'елі	плел, мн.ч. плели; изял, мн.ч. изели	плел, мн.ч. плели; изел, мн.ч. изели	плео, мн.ч. плели; изјео, мн.ч. изјели	pletel, мн.ч. pletli; izjedel, мн.ч. izjedli	plietol, мн.ч. plietli; zjedol, мн.ч. zjedli	pletl, мн.ч. pletli; snědl, мн.ч. snědli	plótl, мн.ч. pletli; zjadł, мн.ч. zjedli	pletl, мн.ч. pletli; zjědl, мн.ч. zjědli	platl, мн.ч. platli; zjědl, мн.ч. zjědli
		шило		шыла	шило			šilo, диал. šiduо	šidlo, диал. šilo	šidlo	szydło	šidło	šydło
2	*x по 2 и 3 палат.	серый, седой	сірий	(иэры)	диал. сяр	–	с(и)ед, диал. sijer	ser	šery		szary	šěry	šery
		–	стрѣха 'крыша' – на стрісі	стрѣха – на стрэсе	–		стрѣха – на стрѣси	–	strecha – диал. na strese; mnich 'монах' – им.мн. mniši	střecha – na střeše; mnich – им.мн. mniši	strzecha – na strzesze; (mnich – им.мн. mniši)	třecha – na třeše; paduch 'вор' – им.мн. paduši	stšecha – na stšěše
		весь		увесь	всичкѣят	сиот	сав	ves	všetok	všechen	wszystek	wšón	wšen
3	*kvě-, *gvě-	цвет, звезда	цвіт/квіт (звізда)	цвет/квет (звезда)	цвят, звезда	цвет, звезда	цв(и)ет, зв(и)езда	cvet, zvezda	kvet, hviezda	květ, hvězda	kwiat, gwiazda	kwět, hwězda	kwět, gwězda
4	*tj, *kt (перед i, e, ъ)	свеча, ночь	свіча, ніч	свяча, ноч	свец, ноц	свеќа, ноќ / сношти	св(и)ећа, ноћ	sveča, noč	svieca, noc	svíce, noc	świeca, noc	swěca, nóc	swěca, noc
	*dj	межа, хожу	межа, ходжу	мяжа, хаджу	межда	меѓа	међа	meja	medza	meze	miedza	mjeza	mjaza
5	*mj	земля		зямя	земя	земја	земља	zemlja	(zem)	země	ziemia	zemja	
6	*ѣ	вера, верный	віра, вірний	вера, верны	вяра, верен	вера, верен	в(ј)ера, в(и)еран	vera, veren	viera, verný	vira, věrný	wiara, wierny	wěra, wěrný	
7	*ę	мясо, тяжелый	м'ясо, тяжкий	мяса, цяжкі	месо, тежък	месо, тежок	месо, тежак	meso, težek	mäso, tažký	maso, těžký	mięso, ciężki	mjaso, čežki	měso, šěžki
	*ǫ	рука, закуток	рука, кут 'угол'		ръка, кът	рака, кат диал. рѣнка	рука, кут	roka, kot диал. ranka	ruka, kút	ruka, kout	ręka, kąt	ruka, kućik	ruka, kušik
8	*ort, *olt (не в а.п. а)	расти, рос; локоть	рости, ріс; лікоть	расці, рос; локаць	1 ед. раста, лакът	3 ед. расте, лакот	расти, лакат	rasti, laket	rást, rástol; laket'	růst, rostl; loket	rosnąć, lokieć	rosć, lochć	rosć, łokś
9	*tort, *tolt	сторона, золото		старана, золата	страна, злато			strana, zlato		strona, zloto			
	*tert, *telt	серед(и)а	середа	серада	среда			ср(и)еда	sreda	středa	środa	srjeda	srjoda
	молоко		малако	мяко	млеко	мл(и)еко	mleko	mlieko	mléko	mleko	mloko		
10	*tǫrt, *tǫrt	горб, верх			гѣрб, врѣх	гѣрб, врѣ	гѣрба, врѣх	grba, vrh	hrb, vrch		garb, wierzch	horb, wjerch	gjarb, wjerch
	*tǫlt, *tǫlt	долг, волк	довг, вовк	доўг, воўк	дѣлг, вѣлк	долг, волк	доуг, воук	dolg, volk	dlh, vlk	dluh, vlk	dług, wilk	dołh, wjelk	dług, wjelk

(1) утрата взрывного компонента в сочетаниях **tl*, **dl* на востоке и на юге при его сохранении на западе (отклонения: в ср.-словац. диалектах тип *šilo* ‘шило’, *krjelo* ‘крыло’ при лит. *šidlo*, *kridlo*; напротив, в северных словен. диалектах тип *šidujo*, *kridujo* при лит. *šilo*, *krilo*; в словенском, помимо этого, регулярное сохранение корневых *t*, *d* в причастиях на *-l*; в кашубском и северных польских диалектах замена **dl* > *gl* в суффиксе существительных типа *żągło* ‘жало’ — польск. лит. *żądło*; та же замена **tl*, **dl* в севернорусских диалектных лексемах типа *жаг-ло*, в древненовгородском диалекте аналогично в причастиях на *-l*: **соу҃срѣкли** ‘встретили’, **на конь оу҃сегли** ‘на коня сели’);

(2) изменение заднеязычного **x* по 2-й и 3-й палатализации на востоке и на юге в свистящий **s*’, на западе же, как при 1-й палатализации, в шипящий **š*’ (отклонения: в ср.-словац. диалектах **x* в позиции 2-й палатализации чередуется с *s* в местн. п. ед. ч. сущ. ж. р. типа *strecha* ‘крыша’ — *na strese*; та же альтернатива выступает и в литературном словацком языке /x/ ~ /s/ в им. п. мн. ч. одушевленных существительных типа *mních* ‘монах’ — *mnísi*, *Vlach* ‘валах, румын’ — *Vlasi*, ср. болг., с.-х. *Влах* — *Власи*, др.-рус. **послоу҃хъ** — **послоу҃си**; сохранение **x* перед **ě* < **oj* в древненовгородском **хѣрь** ‘сермяга’ связано с отсутствием в названном диалекте 2-й палатализации вообще; при этом **x* не подвергался здесь также 3-й палатализации, ср. **въхѣ** ‘весь’ и т. д.);

(3) 2-я палатализация заднеязычных компонентов сочетаний **kv*, **gv* перед **ě* из **oj*, а иногда и перед другими гласными переднего ряда на востоке и на юге при сохранении **kv*, **gv* на западе (отклонения: в украинском и белорусском языках сосуществуют соответственно *цвіт*, *цвет* ‘окраска’ и *квіт*, *квет* ‘цветок’, причем варианты с *kv*- не обязательно заимствованы из польского: подобные им известны также рус. говорам; в древненовгородском диалекте палатализация с закономерностью отсутствует как в **квѣтъ-**, так и в **гвѣзда**);

(4) изменение **t*’, **d*’, возникших из сочетаний **tj*, **kt* (перед **i*, **e*, **o*) и **dj*, на востоке и на юге в шипящие согласные, какие далее претерпевали неодинаковые преобразования в южнославянских диалектах, и в свистящие **c*’, **š*’ (> *z*’) на западе (отклонения: для древнепсковского диалекта предполагают своеобразное, напоминающее развитие в западной части южнославянского ареала изменение **t*’, **d*’ в **k*’, **g*’ с последующим отвердением, ср. отсюда рус. лит. *пугать* < **pōdjati* ‘выгонять’, в отличие от рус. диал. *пужать*; в древненовгородском зафиксирован также рефлекс **dj* западнославянского типа: **ри҃зѣи** ‘рыжий’);

(5) изменение сочетаний губных согласных с **j* на стыке морфем в сочетания с *l* на востоке и на юге (в болгарско-македонской области, возможно, изначально непоследовательное: ст.-слав. **земла/земьа** ‘земля’), тогда как на западе (и в болгарско-македонской области) *l* в данной позиции в основном не получил развития (отклонения: польск. *kropla* ‘капля’, *grobla* ‘запруда’ при др.-польск. *kropia*, *grobja*, топонимы *Lublin*, кашуб. *Korablewo*).

Помимо давних колебаний *ml* // *m*’, *pl* // *p*’, *bl* // *b*’, существуют еще две изофоны, объединяющие болгарско-македонские, а во втором случае также словенские диалекты с лехитскими:

(6) гласная нижнего подъема на месте «ять» (первого и второго): макед. диал. *vāra* ‘вера’, болг. лит. *вяра* (в ударном слоге не перед слогом с передней гласной), польск. *wiara* (перед изначально твердыми переднеязычными согласными);

в других диалектах первый и второй «ять» совпали средне-верхней гласной **ě* (ниже позднепраславянский рефлекс обоих «ять» вне независимости от диалектных различий условно обозначается этим знаком);

(7) отсутствие изменений носовых гласных **e* > *ä*, **o* > *u*, какие были характерны для остальных диалектов (см. рефлексy в таблице); пара соотносительных по степени подъема носовых гласных в болгарско-македонской и в словенской областях удерживалась дольше, нежели в других (в окраинных говорах соответствующих языков реликты назализации отражаются в некоторых словах и поныне), а в лехитских языках носовые гласные с некоторыми изменениями в дистрибуции вообще сохранились (об их развитии в польском см. б).

Следующие три изофоны объединяют восточнославянские диалекты с западными либо северо-западными и противопоставляют их южнославянским вместе с юго-западными или их частью:

(8) изменение начальных сочетаний типа **orT*, **olT* в **raT*, **laT* в любой позиции в южных диалектах, к которым примыкают среднесловацкие, в отличие от остальных западных и всех восточнославянских диалектов, где в морфемах, не несущих постоянного ударения (т. е. за пределами акцентной парадигмы *a*, см. ниже), те же сочетания изменялись в **roT*, **loT*;

(9) изменение сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* в **TraT*, **TlaT*, **TrēT*, **TlēT* в южнославянских диалектах вместе со словацкими и чешскими, в отличие от **TroT*, **TloT*, **TreT*, **TleT* в лехитской и серболужицкой области и восточнославянских полногласных сочетаний (в большинстве случаев одинаковых для групп **TloT* и **TleT*, на северо-западе имеющих в основном разные рефлексy, ср. рус. *молотъ* — польск. *mleć* с отклонением в кашуб.: *młoc*); при этом в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные полногласию, ср. в.-луж. *trjebić* 'прореживать', где отсутствие изменения *tr* > *tř* предполагает продолжительное сохранение между согласными вокального элемента, как в рус. *теребить*; в западнолехитском регионе имело место особое развитие **TorT* > **TarT*, ср. в северокашубских диалектах *karvinc* 'коровий навоз' (при *krova* 'корова', как в польском), *starnev* 'камбала', в наши дни также кашуб. лит. *starna* 'страница' (в том числе сайт в Интернете) вопреки польск. *strona*;

(10) примерно то же противопоставление праславянских диалектов обнаруживают изофоны, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа **TьrT*, **TьlT* или **TьrT*, **TьlT*: группы с непредним и передним редуцированным отражались одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний **TьlT* и **TьlT* в целом присоединяются среднесловацкие, а в отношении **TьrT* и **TьrT* почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточнословацкого ареала), и, напротив, по-разному в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах, хотя у типа **TьlT*, в отличие от **TьlT*, лишь в отдельных позициях: у восточных славян — после шипящих согласных, ср. рус. *желчь* (< **žьlčь*), но чеш. *žluč*, польск. *żółć*; у западных — после губных, причем на северо-западе — только перед губными и заднеязычными, ср. чеш. *vlk*, польск. *wilk* (с отклонением в кашуб. *wolk*); в восточнославянском и северо-западном ареалах, кроме того, своеобразие давних групп с **ь* может отражать мягкость как *l*, так и *r* в позиции перед губными и заднеязычными (или ее следы),

ср. польск. *wierzch* и рус. *верх*, в старомосковском произношении и поныне [v'er'x].

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* и **TьrT*, **TьlT*, **TьrT*, **TьlT* (включая так называемое «второе полногласие», т. е. **TьrT* > *TьrьT* и т. д., которое отражено, например, в рус. лит. *верёвка* < **vьrv-*), а также сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед гласными переднего ряда, относится, далее, концентрация в восточнославянских диалектах морфем с изменением начального **(j)e-* в **o-* (ср. рус. *один* и польск., чеш., словац. *jeden*, с.-х. *један*, болг. *един*).

Просодическая (акцентная) система праславянского языка имела морфонологический статус. Место ударения изменяемых слов определялось типом так называемой акцентной парадигмы (а. п.); при этом выделяются три основных типа: а. п. *a*, а. п. *b* и а. п. *c*. Парадигма *a* характеризовалась постоянным ударением на корне, парадигма *b* — постоянным ударением на элементе, следующем за корнем, парадигма *c* — подвижным ударением. Парадигмы *a* и *b* исторически являлись вариантами одной акцентной парадигмы, которые распределялись в зависимости от долготы (а. п. *a*) / краткости (а. п. *b*) корневой гласной; в обоих этих случаях корневая морфема обладала по отношению к ударению положительной маркировкой (+, во втором случае со сдвигом вправо: →). Распределение между а. п. *a* и а. п. *b*, с одной стороны, и а. п. *c* — с другой, было традиционным. К а. п. *c* относились слова с отрицательной по отношению к ударению маркировкой корня (–). В словоформах этой парадигмы ударение определялось либо положительной маркировкой флексии, либо, если все морфемы в словоформе были маркированы отрицательно, автоматически приходилось на начальный слог слова или тактовой группы. В соответствии с этим в праславянском языке различают два типа ударения: автономное (в словоформах по меньшей мере с одной положительно маркированной морфемой, на которую оно падает) и автоматическое (в словоформах а. п. *c*, в которых все морфемы маркированы отрицательно). Примеры: рус. а. п. *a* *ма́ть*, а. п. *b* *же́на*, а. п. *c* *голова́*, вин. п. ед. ч. *го́лову*, в сочетании с предлогом — возможный перенос ударения на начало тактовой группы: *на́ голову*. Эти два типа ударения противопоставлялись интонационно: автономное ударение характеризовалось восходящей интонацией (старый акут, например, **mǎti*), а автоматическое — нисходящей (старый циркумфлекс, например, вин. п. ед. ч. **gǒlvǫ*).

В позднепраславянскую эпоху эта система усложнилась: возникло, с одной стороны, новоактутое ударение с интонацией восходящего типа, в основном в результате ретракции ударения со слогов с так называемыми слабыми редуцированными (именно в утрате ими ударения нашла древнейшее выражение слабая позиция редуцированных, в отличие от сильной) и в ряде иных случаев (**dvorǫ́* > *dvǫrǫ́* 'двор', **voljaǫ́* 'воля' — вин. п. ед. ч. в позднепраславянском *vǫl'ǫ* и т. д.), а с другой, явление нового циркумфлекса, которое представляло собой замену рефлексов старого акута на противоположные в определенных морфологических позициях в отдельных группах славянских диалектов.

Праславянская грамматическая система, восходя к позднеиндоевропейской, обнаруживала и значительное количество специфических черт.

Морфология праславянского языка представляла флективно-синтетический тип с элементами аналитизма (ниже рассматриваются только особенности основных полнозначительных частей речи).

В именном склонении сохранялась семипадежная — с особой звательной формой существительного в единственном числе — трехчисловая (единственное, двойственное, множественное число) парадигма. У имен существительных распределение по типам склонения первоначально зависело от наличия/отсутствия основообразующего суффикса (темы) и не было напрямую связано с различиями по роду. В соответствии с этим выделяют тематические и атематические типы склонения. К первым относят склонения: на **-ā* (продуктивный тип для существительных женского рода, представленный также у некоторых названий лиц мужского либо общего рода: ст.-слав. **жена** 'женщина', 'жена', **юноша** 'юноша', **жжика** 'родственник/родственница'); на *-ō* (продуктивный тип для существительных мужского и среднего рода: ст.-слав. **рабъ** 'раб', 'слуга', **село** 'селение', 'поле'); на **-ŷ* (непродуктивный тип — всего несколько существительных мужского рода: ст.-слав. **сынъ** 'сын', **врѣхъ** 'верх' и др.); на **-i* (ограниченно продуктивный тип у существительных женского и непродуктивный у существительных мужского рода: ст.-слав. **кость** 'кость', **пѣть** 'путь'); на **-i* (непродуктивный тип у существительных женского рода: ст.-слав. **любы** 'любовь', род. п. ед. ч. **любѣвѣ**). Вторые — непродуктивные или ограниченно продуктивные — подразделяются в зависимости от первоначально словообразующего суффикса. Таковы, в частности, типы: на **-on/en* (существительные мужского и среднего рода: ст.-слав. **камы** 'камень', род. п. ед. ч. **камене**; **имѧ** 'имя', род. п. ед. ч. **имене**); на **-os/es* (существительные среднего рода: ст.-слав. **слово** 'слово', род. п. ед. ч. **словесе**), на **-ent* (существительные среднего рода, обозначающие главным образом детенышей животных: ст.-слав. **жрѣбѧ** 'детёныш осла/лошади') и др. В результате различных фонетических и морфологических изменений, в последнем случае связанных в основном с явлением аналогии, произошли такие процессы, как: 1) дифференциация продуктивных склонений «твёрдого» (< **-ā*, **-ō*) и «мягкого» (< **-jā*, **-jō*) типов; 2) так называемое «перераспределение» между давними основой и флексией: многие элементы, ранее относившиеся к разным сегментам словоформы, оказались объединены, что усилило флективный характер праславянского языка. В склонении прилагательных сохранялись только продуктивные типы (ж. р. < **-ā*, **-jā*, м. р. и ср. р. < **-ō*, **-jō*), а также постепенно складывалась дифференциация кратких (именных) и полных (местоименных, т. е. генетически включающих указательное местоимение **-jъ*) форм типа ст.-слав. **добра/добрага** 'хорошая' с различным ее последующим развитием в славянских диалектах и языках. В системе местоимений существовало подобное именному распределение «твёрдого» и «мягкого» типов при особом склонении, ср. ст.-слав. указательные местоимения **тѣ** 'тот', род. п. ед. ч. м. р. **того** — **съ** 'этот', род. п. ед. ч. м. р. **сего**; особый случай: **онъ** 'тот', 'оный', род. п. ед. ч. м. р. **оного** / **онъ** 'он', род. п. ед. ч. м. р. **юго** и т. д. (от местоимения, восходящего к **-jъ*, ср. ст.-слав. вин. п. ед. ч. м. р. **и** 'его'). Комплекс причин фонетического и синтаксического характера обусловил зарождение у имен и местоимений категории одушевленности: возникшая после утраты согласных в конце слова омонимия форм именительного и винительного падежа единственного числа существительных мужского рода

привела к нежелательному для наименований «полноправного мужского лица» неразличению субъекта и прямого объекта в предложениях типа **Кънеѣзъ призѣва брат(ѣ)ъ* 'Князь призвал брата', ввиду чего исконные формы винительного падежа единственного числа у слов этой лексико-грамматической категории начинали заменяться формами родительного падежа единственного числа.

В сфере личных форм глагола в целом сохранялось позднеиндоевропейское распределение типов спряжения в настоящем времени (презенте) изъявительного наклонения (тематические типы на **-ǫ/-ě* с вариантами **-nǫ/-ně*, **-jǫ/-jě* и на **-ī*: ст.-слав. *несѣ* 'я несу', *несѣши* 'ты несёшь', *прошѣ* 'я прошу', *просиши* 'ты просишь'; атематический тип с присоединением флексий к основе без основообразующего суффикса: ст.-слав. *вѣмь* 'я знаю', *вѣси* 'ты знаешь'). В системе форм прошедшего времени имела место утрата архаичного имперфекта (реликты: ст.-слав. *вѣдѣ*, др.-чеш. *vědě* с претерито-презентным значением: 'я знал' и 'я знаю') с заменой его новым имперфектом, в формально-морфологическом отношении связанным с так называемым сигматическим аористом (ст.-слав. имперфект глагола *падати* 'падать' — *падаахъ* 'я падал', аорист глагола *пасти* 'упасть' — *падохъ* 'я упал', при частичном сохранении форм старого асигматического аориста типа *падъ*). Происходила постепенная грамматикализация аналитических временных форм: перфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. *палъ късмь*) и плюсквамперфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. *палъ вѣхъ*), обозначавших, в отличие от аориста и имперфекта, результат прошедшего действия, актуальный на некоторый момент соответственно в настоящем и в прошлом. Вместе с тем еще не окончательно грамматикализировались формы будущего времени (ст.-слав. 1 л. ед. ч. *хощѣ пасти*, *имаамь пасти*, *бждѣ палъ* — конструкции, впоследствии имевшие различное развитие в С.я.). При сохранении в целом системы синтетических форм повелительного наклонения образовывались новые аналитические формы сослагательного, или условного, наклонения с использованием либо особых форм вспомогательного глагола 'быть', типа ст.-слав. *бимь палъ*..., либо форм аориста того же глагола, типа ст.-слав. *быхъ палъ*... (по-видимому, различно по диалектам). Получило дальнейшее распространение выражение способов глагольного действия при помощи префиксации и суффиксации, что вело к зарождению у глаголов противопоставления перфективности/имперфективности, параллельного временным оппозициям, т. е. к формированию в системе глагола видовой классификации. Залоговые различия (актив : пассив) первоначально выражались оппозицией невозвратных : возвратных форм глагола (**тујо* 'мою' : **тујо се* 'моюсь'). Позже распространились аналитические формы пассива — конструкций вспомогательного глагола 'быть' со страдательным причастием (в настоящем времени глагол 'быть' часто опускался, конструкции же форм настоящего времени этого глагола со страдательным причастием могли выражать значение «перфектного пассива», ср. др.-чеш. *Dievcě dřěve porozenie jest zvěstováno* 'Деве заранее рождение было возведено'). Наступила десубстантивация форм дат. и вин. п. ед. ч. отглагольных существительных с суффиксом **-t-*, регулярно используемых в функциях соответственно инфинитива и супина (ст.-слав. инфинитив *ловити* 'ловить', супин со значением действия как цели движения *ловитѣ*).

Уже в позднеславянском языке, по-видимому, сложились основные формально-морфологические диалектизмы, например: формы родительного падежа

единственного числа и именительного, винительного падежа множественного числа имен склонения на *-jā с флексией *-ε в южнославянских и *-ě в восточно- и западнославянских диалектах (ст.-слав. род. п. ед. ч. **ДОУША**, др.-рус. **ДОУШѢ**, др.-чеш. *dušě*), аналогично сохранение в форме творительного падежа единственного числа имен склонения на *-ō флексии *-омь на юге (ст.-слав. **РАБОМЬ**) и ее замена на *-ьть на востоке и западе (ср. уже в старославянских Киевских листках X в. **НАДЪ ОПЛАТЪМЬ** 'над облаткой') и т. д. Некоторые изоглоссы более локального характера объединяют часть восточных, южных и западных диалектов, например, укр., с.-х., словен. и ср.-словац. диал. флексия -то в формах 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов и др.

Структура простого предложения в праславянском языке могла быть двоякой: для него были характерны, с одной стороны, односоставные именные предложения с имплицитной предикативностью (ср. ст.-слав. **ГОРЕ ЖЕ НЕПРАЗДНЫМЪ И ДОУШТИМЪ ВЪ ТЫ ДНИ** 'горе же (будет) беременным и питающим сосцами в те дни'), а с другой — двусоставные глагольные предложения с обычным порядком частей «субъект — выраженный личной формой глагола предикат — объект». Члены предложения обладали значительной степенью автономности; в первую очередь у форм глагола в предикате это проявлялось, кроме прочего, в потенциальности местоименного выражения субъекта, а также объекта (ср. др.-чеш. *vzet hůbvi, naplni octa // ju octa* 'взяв губку, пропитал (её) уксусом'). Сложные предложения постепенно формировались на базе объединения простых с переосмыслением анафорических элементов в качестве союзных средств (например, ст.-слав. относительное местоимение **ИЖЕ**, др.-чеш. *jenž* 'который', первоначально 'тот/он' с частицей, сигнализирувавшей смысловую второстепенность соответствующего фразового фрагмента).

6. Формирующиеся с конца I — начала II тысячелетия н. э. С.я., унаследовав в целом праславянскую языковую структуру, продолжали некоторые тенденции ее эволюции, обнаружившиеся или наметившиеся ранее, одновременно претерпевая также новые преобразования, определяемые в каждом отдельном языке своими специфическими закономерностями.

Фонологическая система С.я. развивалась в различных направлениях — от сохранения преобладавшего в праславянском вокалического строя при некотором обеднении, сравнительно с праславянским состоянием, консонантизма в сербохорватско-словенской языковой области до последовательной консонантизации в первую очередь в восточнославянской области (в истории других языков наблюдается неодинаковое соотношение этих двух тенденций).

В связи с этим различной оказалась судьба праславянской просодической системы. В сербохорватско-словенской области сохранилось свободное политоническое ударение, утраченное в других языках. В восточнославянской области и в болгарском языке его издавна сменило свободное силовое (динамическое) ударение, которое со временем привело к развитию в русском, белорусском и болгарском языках явления редукции безударных гласных. Этот же тип ударения с редукцией безударного вокализма выступал в полабско-поморской области (в кашубском регионе реликты свободного ударения удерживаются и поныне). Ударение в других западнославянских языках закрепилось за тем или иным слогом в слове или тактовой группе: изначально за первым, где оно сохраняется и

поныне в чешском, словацком и серболужицком, а также в окраинных польских говорах; в остальном в польском языке и в территориально смежных восточно-словацких и чешских (силезских) диалектах оно переместилось на предпоследний слог. Позже и независимо от этих западнославянских процессов произошла фиксация ударения на третьем от конца слоге в словах, содержащих более двух слогов, в македонском языке.

В сербохорватско-словенской области в тесной связи с характером ударения также удержались, а в западнославянских языках независимо от ударения продолжали развиваться количественные различия гласных. Из западнославянских языков эти различия до сих пор сохраняют чешский и словацкий, а в других западнославянских языках долгие гласные к XVI в. сократились, претерпевая при этом качественные преобразования.

Редуцированные гласные *ь и *ъ в слабой позиции — по базовому правилу, сформулированному (первоначально для древнечешского языка) А. Гавликом, в абсолютном конце слова, а в неконечном положении перед слогом с нередуцированной гласной или редуцированной в сильной позиции — исчезли в XI–XII вв. во всех С.я. В сильной позиции — прежде всего перед слогом со слабым редуцированным — они перешли в краткие гласные: в восточнославянской, македонской, а первоначально и в среднесловацкой и верхнелужицкой области в *e* и *o* (рус. *день*, *сон*), в восточной части болгарского ареала в *e* и «средний», нелабиализованный *ь* (*сън*), в польском и чешском языках в *e* (польск. *dzień*, чеш. *den*, в обоих языках *sen*), в словенском в «средний» краткий *ə*, при вторичном продлении слога переходивший в *a* (словен. *sen* [sən], но *dan* [dân]), а в сербохорватском через *ə* в *a* при любой длительности слога (с.-х. *с̄ан*, *д̄ан*). Встречающиеся в отдельных славянских языках и диалектах отклонения от описанного состояния, когда на месте слабых, по базовому правилу, редуцированных выступают рефлексы сильных (а иногда и другие гласные), объясняются по-разному: выравниванием основы в парадигме, стремлением избежать недопустимого скопления согласных, особенно в начале слова, вообще неравномерно действующей по языкам инерцией старых принципов строения слога (ср. праслав. **тъгла* — рус. *мгла*, польск. *mgła*, но болг. *мъгла*, макед. *магла*, с.-х. *ма̄гла*, словен. *megla* [mɛglà]). Н. С. Трубецкой считал утрату редуцированных последним процессом праславянской эпохи. Действительно, исчезновение *ь и *ъ, завершив их ослабление, происходившее еще в праславянском языке, ознаменовало собой прекращение действия закона открытого слога, что предопределило многие важные преобразования, затронувшие различные звенья структуры С.я.

Завершением другого древнего процесса, который был обусловлен тенденцией восходящей звучности, т. е. монофтонгизации дифтонгических сочетаний **em/en*, **ьm/ьп* в **e*, **om/on*, **ьm/ьп* в **o* (по интерпретации Н. С. Трубецкого, **eⁿ*, **oⁿ* или **eN*, **oN*), явилась деназализация гласных, которые образовались по языкам из первоначальных носовых. Утрата ринезма (носового элемента) раньше, в X в., наступила у пары не соотносительных по степени подъема гласных *ǣ*, *ǫ* в восточнославянской, сербохорватской, чешско-словацкой и серболужицкой областях. Старейший памятник словенского языка — Фрейзингские отрывки, датированные X–XI вв., — отражает лишь начало этого процесса (ср. *tebe poronfo te telo* ‘тебе препоручу мое тело’ / *porufo uza moia zlouez* ‘препоручу все мои слова’,

nafu praudnu vuerun 'нашей праведной верой'). Фиксируемая в среднеболгарских рукописях XII–XIV вв. так называемая «мена юсов», т. е. букв ж и л друг с другом и с буквами, обозначающими носовые гласные, как и материал болгарских диалектов, свидетельствует о предшествовавшем утрате ринезма процессе совпадения носовых гласных переднего и непереднего ряда в большем или меньшем объеме позиций. Такой же процесс протекал в истории польского языка, где в XIII–XV вв. выступали долгий и краткий носовые гласные одного тембра (судя по графике памятников и по диалектным данным, широкие среднего ряда). Во второй половине XV в. в связи с утратой количественных различий в польском вокализме прежний краткий носовой изменился в передний гласный *e*, а прежний долгий — в непередний *o* (в литературной графике *o*).

Развитие тенденции слогового сингармонизма подготовило становление новой категории парной твердости/мягкости согласных в первую очередь в восточных и северо-западных С.я., а также в восточноболгарской области. Исторически возможности употребления мягких согласных в отдельных языках укрепляли наступавшие после них большей частью перед твердыми согласными переходы передних гласных в непередние (т. е. *'ä > 'a* во всей этой группе, *'e > 'o* в восточной и северо-западной областях и др.), и напротив, ограничивало происходившее перед гласными переднего ряда отверждение согласных (в украинской, восточноболгарской и полабской областях). Помимо того ряд пар согласных, коррелирующих по твердости/мягкости, зачастую сужало непозиционное отверждение согласных (в белорусском *r'*, в украинском мягких губных, в серболужицком *s', z'*), а с другой стороны — так называемая ассибиляция, т. е. приобретение мягкими согласными шипящего или свистящего призвуча (в польском *r' > r^z/š > ž/š*, *s' > š' (ś)*, *z' > ź' (ź)*, в польском и серболужицком *t' > ć' (ć)*, *d' > ź' (ź)*, откуда в нижнелужицком *š', ź'*, а в кашубском и белорусском *t' > c*, *d' > ě*). В чешском и словацком языках тенденция к созданию категории твердости/мягкости согласных была перекрыта действием многоступенчатого процесса депалатализации. В итоге в разном для разных диалектов количестве позиций — большем в словацком языке и меньшем в чешском — здесь сохранились лишь отдельные мягкие согласные, коррелирующие с твердыми: *n'*, по диалектам *l'*, особенно в словацком, также *l'* против «среднего» *l* или твердого *l* с диалектным изменением в *ɹ* (либо «средний» *l* против твердого), *t'* и *d'* с диалектными изменениями *t' > c/č*, *d' > ě/ž*, а в украинских говорах также *s', z'* с изменениями в *š, ź* и мягкие губные. В сербохорватско-словенской и аналогично в западноболгарской и македонской областях новая категория твердых/мягких согласных не сложилась, а из старых парных мягких согласных только *n', l'* (< **nj, *lj*), в первую очередь в сербохорватской зоне, не подверглись отверждению.

В морфологии имени и глагола в С.я. в целом продолжалась преемственная эволюция позднепраславянской системы:

— у существительных стабилизировалась грамматическая категория одушевленности, получившая дальнейшее развитие в восточно- и западнославянской областях; в итоге в современных С.я. она имеет неодинаковый охват и разный набор показателей, а в польском и верхнелужицком сосуществует с категорией персональности, или мужского лица (в болгарском и македонском языках вообще только эта последняя сохраняет грамматическую релевантность);

— в словоизменении прилагательных происходила дальнейшая стабилизация полных форм: в восточно- и западнославянских языках вытесняли они краткие формы, у качественных прилагательных первоначально из атрибутивной, а затем в значительной части языков также практически полностью из предикативной позиции (при том, что в литературном русском, в меньшей степени в чешском и минимально в отдельных других языках данной группы все еще сохраняется смысловая оппозиция полных и кратких форм качественных прилагательных в предикате, соответственно со значением признака/состояния); напротив, в южнославянских языках краткие формы качественных прилагательных не только продолжают употребляться в качестве обязательных в предикате, но остаются возможными и в атрибутивной позиции, семантически дифференцируясь с полными (в соответствии с традицией описания южнославянских языков краткие и полные формы прилагательных здесь часто обозначают — и трактуют — как неопределенные и определенные, однако во всяком случае в синхронном аспекте грамматически регулярное противопоставление тех и других в атрибутивном сочетании как маркеров неопределенности/определенности референта существительного, а не его признака, вероятно, имеет место только в болгарском и македонском языках, где определенные формы не просто продолжают местоименные на *-*bjь* и т. д., а присоединяют артикль с показателем -*t*, см. ниже);

— в большинстве С.я. было утрачено двойственное число, сохраняющееся на современном этапе у имен и глаголов только в словенском и серболужицком, а у местоимений также в северокашубских говорах; впрочем, в живой речи данная категория и в названных языковых областях реализуется не регулярно (при этом во всех С.я. существуют реликты старых форм и флексий двойственного числа в рамках парадигмы множественного числа);

— у глаголов завершалось оформление лексико-грамматической категории вида, с которой по-разному вступала во взаимодействие категория времени;

— перестраивалась система форм прошедшего времени: синтетические формы аориста и имперфекта сохранились только в болгарско-македонской, сербохорватской и серболужицкой областях, из которых в первой они по-прежнему находятся в семантической оппозиции к формам перфекта и плюсквамперфекта, а в двух последних это стилистические отмеченные формы нарратива, которые всегда могут быть заменены немаркированными перфектными (при этом дистрибуция аориста и имперфекта в македонской и серболужицкой областях оказалась связана с совершенным/несовершенным видом глагола); в истории других С.я. эти формы вытеснил перфект, который в западнославянской области (кроме серболужицкого языка) в 3-м лице, а в восточнославянской и в остальных формах утрачивал вспомогательный глагол 'быть' (в польской и кашубской области формы этого глагола в 1-м и 2-м лице становились агглютинированными показателями прошедшего времени, ср. польск. (*ja*) *robilem* и *jam robil* 'я делал');

— стабилизировались формы будущего времени с опорой на конструкции, содержащие разные для разных языков вспомогательные глаголы или к ним восходящие показатели: 1) 'быть' (в формах с давней основой **bǫd-* + инфинитив, ср. рус. *буду писать*) — этот тип выступает во всех восточно- и западнославянских языках, при этом в польском также с *l*-причастием (*będę pisać / pisał*), а на юге в словенском (только с *l*-причастием: *bom pisał*; аналогично образуются формы

«условного будущего» в сербохорватском); 2) ‘взять’ (др.-рус. **ѣти** в значении ‘начать’) — укр. *писатиму*; 3) ‘хотеть’ — балканский тип: с.-х. *(ja) љу писати / да пишем* или *писаћу (pisat ću)*, болг. *ще пиша*, макед. *ќе пишам* (подробнее см. ниже);

— по-разному в С.я. была ограничена система причастий; из кратких действительных причастий возникли деепричастия настоящего и во многих языках прошедшего времени; конструкции согласуемых или несогласуемых страдательных причастий, в последнем случае в форме им. п. ед. ч. ср. р., краткой или полной, с личными формами глагола ‘иметь’ в некоторых С.я. дали начало новым формам перфекта или результатива (ср. макед. *имам дојдено* ‘я пришел / пришла’, чеш. *tám zapláceno* ‘я заплатил / -а’, другие западнославянские примеры см. ниже), а в польском и украинском на базе кратких форм им. п. ед. ч. ср. р. страдательных причастий возникли особые неопределенно-личные формы прошедшего времени, активные (польск. *rozmawiano* ‘разговаривали’, *cieszono się* ‘радовались’) или сохраняющие пассивный оттенок (укр. *автором дійдено висновку...* ‘автор пришел к выводу...’, букв. ‘автором прийдено’).

Специфические преобразования претерпела грамматическая система болгарского и македонского языков в силу распространения в них таких далеко идущих инноваций в общем контексте балканского языкового союза, как: сокращение парадигмы личных местоимений до трех падежных форм и отмирание падежей у существительных и прилагательных с переходом к выражению отношений имени предложными конструкциями и иными аналитическими средствами (включая так называемую местоименную репризу, маркирующую объект); становление постпозитивного определенного артикля, восходящего к указательному местоимению с корневым *-t-* (в македонском языке также *-v-* и *-n-*); в глаголе — образование форм будущего времени с помощью частицы, восходящей к форме 3-го л. ед. ч. глагола ‘хотеть’, вытеснение инфинитива аналитической конструкцией с частицей *да*, грамматикализация форм «пересказывательного» наклонения и др. Рассматривая эти черты по отдельности, нетрудно заметить, что почти все болгарско-македонские балканизмы могли возникать на славянской почве (и в любом случае оформлялись с использованием арсенала собственных средств), в связи с чем они нередко имеют параллели в небалканских славянских языках. Так, зарождение постпозитивного определенного артикля позволяют проследить уже старославянские тексты (*падъ же оубо работъ. кланѣше сѧ емоу* ‘раб же (тот), упав, кланялся ему’), но подобное явление известно и за пределами балканского ареала, а именно в севернорусских говорах (*дом-от, избу-ту*); также один из первоисточков последующего неразличения падежных форм можно видеть в конструкциях с «именительным падежом объекта» при инфинитиве, отмечаемых как в старославянском (*оуготоваемъ ти ѣсти пасха* ‘приготовим тебе вкушать пасху’), так и в древне-новгородских грамотах (*въ волости твоєи толико вода пити* ‘в твоём владении (осталось) только воду пить’). Ввиду этого важно подчеркнуть, что балканский языковой союз формирует в комплексе лишь весь спектр указанных черт, неравномерно проявляющихся в языках данного региона, славянских и неславянских (новогреческом, румынском, албанском), при максимальном их сосредоточении в центральной балканской зоне с продолжением некоторых явлений в модифицированном виде в периферийных областях, иногда территориально далеких от Балкан.

Например, характерные для болгарского и македонского языков формы будущего времени с неизменяемым компонентом, возникшим из формы 3-го л. ед. ч. глагола 'хотеть', при личных формах смыслового глагола (ст.-слав. **ХОШТЕТЬ ГАВИТИ СЛ** 'явится' — болг. **ще се явя, яви, явиш**, макед. **ќе се јавим, јавиш, јави** 'явлюсь', 'явишься', 'явится') дают начало изоглоссе, которая находит продолжение в с.-х. формах будущего времени со спрягаемым глаголом 'хотеть', допускающих как инфинитив, в болгарско-македонской области исчезнувший, так и балканскую конструкцию с компонентом *да*, в болгарско-македонской области в данном случае не употребляемую (**ху, хеш, хе се јавити / да се јавим, јавиш, јави**). Формы того же типа со спрягаемым глаголом 'хотеть' при инфинитиве, далее, обнаруживаются в резьянском диалекте словенского языка в Италии, а совершенно независимо от данной изоглоссы также в полабском, где выбор в пользу модели с глаголом 'хотеть' (и второй используемой здесь, с глаголом 'иметь'), был, несомненно, обусловлен длительным существованием этого языка в нижненемецком диалектном окружении (ср. футурум пассива *tâi cis lâ vibâseně boit* 'ты будешь повешен' — немецкий перевод автора записи: *du willst nur aufgehenkt seyn*).

Еще большая открытость в различных направлениях характеризует признаки центральноевропейского языкового союза, в котором так или иначе участвуют все западославянские языки и юго-западный словенский, а из исторически контактировавших с ними неславянских — венгерский и немецкий. Ареальный подход требует пересмотреть старое представление об одностороннем воздействии немецкого на указанные славянские языки, в результате которого в них развились такие черты, как употребление препозитивного указательного местоимения с корнем *t-* в функциях, сходных с функциями немецкого определенного артикля (в некоторых контекстах приближающееся к обязательности, ср. чеш. *Vstupenky, i ty nejdraží, jdou dobře na odbyt*, польск. *Bilety, nawet te najdroższe, idą dobrze*, словен. *Vstopnice, celo te najdražje, gredo dobro v prodajo* ~ нем. *Die Eintrittskarten, selbst die teuersten, gehen gut weg* 'Билеты, даже самые дорогие, хорошо расходятся'), «вторичная субстантивация» части инфинитивных конструкций с распространением в них отглагольных существительных, образуемых суффиксами *-n/-t-*, в том числе с предлогами, и вообще смешение таких существительных с инфинитивом, напоминающее их омонимию в немецком (чеш. *něco k pítí*, польск. *coś do picia*, словац. *niečo na pitie*, словен. разг. *nekaj za pit(i)* ~ нем. *etwas zu trinken*, диал. *zum Trinken* 'что-нибудь попить'), становление сопоставимых с перфектом в немецком языке новых форм перфекта или результата (типа чеш. *mám zameteno*, польск. *tam zamiecione*, словен. *imat pometeno* 'я подмёл / подмела' или 'у меня подметено' ~ нем. *ich habe ausgekehrt* 'я подмёл / подмела') и др. Характер большинства этих особенностей позволяет заключить, что они могли иметь и славянский источник, а в центральноевропейских славянских языках закреплялись лишь при поддержке немецкого, причем в ареалах максимально интенсивных контактов с ним — в наиболее германизованном виде (ср. регулярный определенный артикль с корнем *t-* в серболужицких диалектах или кашубский перфект *jô móm ju wiele widzóné* 'я уже многое видел', *on je wëjehóny* 'он уехал' ~ нем. *ich habe gesehen, er ist ausgefahren*). В остальном названные и другие контактные черты в славянских языках центральноевропейского региона проявляются по сравнению с немецким достаточно специфично и неодинаково в

отдельных языковых зонах. В свою очередь немецкий и венгерский языки, возможно, обязаны указанному ареальному контакту развитием, в частности, форм будущего времени, образуемых при помощи вспомогательного глагола со значением становления (совр. нем. *werden*, венг. *fogni*), которое первоначально было присуще и славянским глагольным формам с основой **bǫd-* (ср. др.-чеш. *Tenž juž taký hi tak mocný <...> Babyló, tvým králem bude* 'И вот уже такой могущественный становится, Вавилон, твоим царем').

Лексика С.я. в основном общеиндоевропейского происхождения. Многие ее элементы, не находящие точных соответствий в других индоевропейских языках, связаны с балто-славянской общностью (праслав. **(j)ezero* 'озеро', **ledь* 'лёд', **lipa* 'липа', **lōka* 'луг', **męk-* 'мягкий', **vesti, vedǫ* 'вести, веду' ~ литов. *ėžeras, lėdas, liepa, lankà, minkštas, vėsti, vedù* и др.). Ряд древних заимствований обязан контактам праславянского с иранскими, кельтскими, германскими и другими индоевропейскими диалектами.

В ходе истории отдельных С.я. их лексика расширялась и обогащалась прежде всего за счет собственных ресурсов путем суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий. Источниками лексических заимствований являлись: германские языки (в том числе в поздний период в наибольшей степени немецкий, особенно для западнославянских языков); тюркские и другие восточные языки (главным образом для южно- и восточнославянских языков); финно-угорские языки для восточнославянских языков; новогреческий, албанский, румынский и другие для языков балканского ареала; румынский и венгерский для языков карпатского ареала и смежных с ним; древнегреческий — не только для *Rex Slavia Orthodoxa*, латынь — не только для *Rex Slavia Latina*, французский — для некоторых славянских языков в XIX в. (русский, польский), английский — для всех С.я. в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005 [1-е изд.: Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961].
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бирнбаум Х.* Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Бошковиц Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.
- Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984, т. 1–2.
- Гаспаров Б. М., Сигалов П. С.* Сравнительная грамматика славянских языков: В 2-х т. Тарту, 1974.
- Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000, т. I.
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Журавлев В. К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.

- Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 106-121 [нем. оригинал: *Isačenko A.* Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen // *Linguistica Slovaca*, 1939–1940, zv. I–III].
- Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.
- Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Мейе А.* Общеславянский язык. 2-е изд. М., 2000 [1-е изд. 1951; франц. оригинал: *Meillet A.* Le Slave Commun. 2d éd. Paris, 1934].
- Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
- Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (Славянские языки). СПб., 1998.
- Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941.
- Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987.
- Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977.
- Супрун А. Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Супрун А. Е.* Праславянский язык. Минск, 1993.
- Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997–1999. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология, 1997; Т. 2. Славянские литературные языки, 1998; Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию, 1999.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.
- Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.
- Чарский В. В.* Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов. Лингвогенетический аспект. Щелково, 2011.
- A Handbook of Slavic Clitics / Ed. by S. Franks, T.H. King. Oxford, 2000.
- Arumaa P.* Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Heidelberg, 1964, 1976, 1985, Bd. I–III.
- de Bray R. G. A.* Guide to the Slavonic Languages. Vols. I–III. 3rd ed. Columbus (Ohio), 1980.
- Carlton T.R.* Introduction to the phonological history of the Slavic languages. Columbus (Ohio), 1991.
- Einführung in die slavischen Sprachen. 3. Auflage / Hrsgb. Peter Rehder. Stuttgart, 1998.
- Fici Giusti F.* Le lingue slave moderne. Padova, 2001.
- Franks S.* Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
- Garde P.* Histoire de l'accentuation slave. T. 1–2. Paris, 1976.
- Golqb Z.* The origins of the Slavs. Columbus (Ohio), 1992.
- Lamprecht A.* Praslovanština. Brno, 1987.
- Mareš F.V.* Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen. München, 1969.
- Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1852–1974, Bd. I–IV.
- Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
- Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.
- Shevelov G. Y.* A prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Stang Chr.* Slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1969, t. I; 1973, t. II.
- The Slavonic languages / Eds. B. Comrie, G. G. Corbett. London; New York, 1993.
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950–1974, v. I–V.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Wien, 1906–1908, Bd. I–II.

С л о в а р и
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–2003, вып. 1–30 [продолжающееся издание].

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963–1973, Lief. 1–6.

Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001, t. 1–8 [продолжающееся издание].

